

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ
НОВОЙ КНИГИ:

Хулио КОРТАСАР

ПЫЛАЮЩИЙ ПЕПЕЛ

КОСТРА

ня — и значит играть». Великий испанский поэт Антонио Мачадо когда-то сказал:

А искусство? — Только игра, Подобная только жизни, Подобная только огню, Пылающий пепел костра. (Перевод В. СТОЛБОВА)

И кортасаровская игра подобна обжигающему пеплу костра. Читая Кортасара, разгадываешь замысловатые, опутанные густой вязью культурных ассоциаций метафоры, восхищаешься фехтовальной иронией рассказчика, и вдруг — обжигает. Ибо речь идет о самом важном — об отношении к миру, к другим людям, к власти, о самостоятельности и свободе, об эгоизме и долге, доброте и любви.

Как правило, персонажи Кортасара живут в двух мирах. Например, в романе «Выгрыши» все до предела реально, списано с натуры: люди, их заботы, их реакции и взаимоотношения. А ситуация фантастическая, невероятная, и разрешается она невероятно. В романе «62 Модель для сборки» действие разворачивается в трех планах: в обыденной жизни, в Зоне и в Городе. В Городе герои живут «по большому счету», судят себя и других



строгим судом и приводят приговор в исполнение. В обыкновенной жизни они, конечно, продолжают ходить на службу, делать покупки, встречаться в кафе. А те эксцентричные поступки, какие они совершают в фантастических или измышленных ситуациях, — метафорические напоминания о том, что человек и в быту должен чувствовать дыхание главных проблем жизни.

Давно, лет двадцать назад, Кортасар нашел удачное название для одного из лучших своих рассказов — «Преследователь». За героем этого

рассказа — музыкантом Джонни потянулась череда: Медрано из «Выгрышей», Оливейра из «Игры в классики», Маркос и Андрес из «Книги Мануэля», Лукас из одноименного сборника рассказов-миниатюр. Об Андресе Кортасар как-то сказал, что передал ему много из своих сомнений, своих колебаний, своей тоски. Автобиографичность Лукаса еще очевиднее. Безусловно, и с другими «преследователями» автор чувствует внутреннее родство, и к этим персонажам он особенно строг, не прощая им ни слабодушия,

ни уклонения от ответственности, ни удобного эгоизма. Но чего именно добиваются «преследователи»? Того, что абсолютно необходимо им для жизни, — чувства причастности, оправданной и нерушимой связи с миром, с людьми, с обществом в целом.

Герои Кортасара имеют свою духовную биографию, в некоторых поворотных пунктах совпадающую с биографией писателя. Несогласие — вот корень судьбы кортасаровского героя. Он вышел из безмятежной юности, огляделся вокруг и понял, что мир, в котором ему предстоит жить, его не устраивает. Он не согласен. Это несогласие поначалу носило некоторый оттенок нигилизма, отрицания всего и вся. Но это длилось очень недолго. Вскоре после мая 1968 года Кортасар написал яркий и восторженный очерк о молодежном бунте. Однако по прошествии двух-трех лет Кортасар уже заметил, что без руководства, без зрелой и продуманной политической программы юношеский запал бессилён и бесперспективен.

Чтобы уяснить точнее, чего он хочет и чего не хочет, Кортасар занялся политикой, историей, общественными науками. Он рассказывает, что в ранних книгах трактовал проблемы, поставленные героем, исключительно в философском и психологическом плане, будучи тогда далек от каких-либо общественных устремлений. Ход событий новейшей истории, с одной стороны, и бескомпромиссная требовательность к себе, жажда ясности заставили писателя самоопределяться в социальном мире. Поездки на Кубу, личная дружба с Сальвадором Альянде, участие в антиимпериалистических, антидиктаторских акциях передовой латиноамериканской интеллигенции изменили направленность кортасаровского творчества, и он создал произведения, окрашенные четким пониманием того, откуда исходит реаль-

ная угроза человечеству и где брезжит надежда.

Соответственно меняется и герой. От гибнущих Джонни и Медрано, балансирующего на грани жизни и самоубийства Оливейры, мятущегося Андреса герой эволюционирует к Лукасу, соединившему в себе самые привлекательные черты персонажей предыдущих романов. В сборнике «Некто Лукас» отразился жизненный опыт, круг интересов и привязанностей автора: есть тут рассказы о буэнос-айресской юности, об аргентинских друзьях, о путешествиях по Европе и Америке. (Два рассказа из этого сборника предлагаются сегодня вниманию читателей «ЛГ».) В Лукасе чувствуется уже иной, значительно менее трагический внутренний фон: он совершил жизненный выбор и уверен в своей правоте — и оттого «несогласие» его с жизнью, умственной рутиной, пошлостью окрашено не столько яростной и безнадежной злостью (как у Медрано или Оливейры), сколько веселой, победоносной иронией. Лобовым утверждениям Лукас предпочитает метафору, параболу, парадокс. Однако, читая и усмехаясь, он умеет отстаивать свою вполне определенную позицию в жизни, идеологии и литературе (то же самое делает Кортасар, уже без маски, в публицистических текстах).

В давнем открытом письме Роберто Фернандесу Ретамару «О ситуации, в которой находится латиноамериканский интеллигент» Кортасар говорил, что с того момента, как он начал задумываться над смыслом человеческого существования, он увидел свое призвание и свой долг в том, чтобы приблизить «будущее, которое когда-нибудь станет кульминацией истории человечества. Практическое представление об этом будущем нам дает социализм, а духовный образ — поэзия».

Инна ТЕРТЕРЯН

ЗАКАТОЛОВ



венный закат — ведь, прежде чем окончательно остановиться на каком-нибудь закате, надо снять их штук сорок или пятьдесят, потому что, будь я киношником, я был бы к ним столь же требователен, как к слову, женщине или геополитике.

Но все не так просто, и я лишь тешу себя фантазиями об уже пойманном закате, спящем на своей длинной спирали в плоской банке. В мои планы входит не только сама охота, но и возвращение закатов ближним, которые почти о них забыли, — я подразумеваю горожан, видящих заходящее солнце, если они его видят, где-нибудь за зданием почты, учреждением напротив или на фоне телеантенн и уличных фонарей. Фильм был бы немой или снабжен звуковой дорожкой, с синхронно записанными на ней шумами — будь то лай собаки или жужжание слепней, а если повезет, овечий бубенчик или удар волны в случае заката морского.

По опыту и благодаря наручным часам я знаю, что хороший закат может продержаться минут двадцать от климатса до антиклиматса, каковые я исключил бы, оставив лишь само медленное внутреннее развитие, этот калейдоскоп едва уловимых мутаций, — таким образом и получился бы фильм из числа называемых документальными, которые идут перед Брижит Бардо, когда люди располагаются поудобнее и глядят на экран, словно они еще в автобусе или метро. К моей ленте прилагался бы текст (а может быть, и голос за кадром), — скажем, такой: «То, что вы сейчас увидите, является закатом от 7 июня 1976 года, снятым без перерыва, со штатива, в X, на пленку Y, в течение Z минут. Уведомляем публику, что, помимо заката, ничего больше не произойдет, ввиду чего советуем расположиться как у себя дома и делать что бог на душу положит, — например, глядеть на закат, повернуться к нему спиной, разговаривать с соседями, прогули-

С каждым днем я сильнее чувствую необходимость уточнить некоторые понятия, которые зачастую употребляются без должного чувства меры и критического смысла. Одно из них — «народ» — используют для обозначения сплоченного единства перед лицом внешнего врага, не уточняя при этом, что страдания наиболее угнетенных наших народов вызваны в значительной мере внутренней братоубийственной войной, а определенные группы внутри этих народов играют в своих странах роль зло-

ваться и т. д. Сожалеем, что не можем посоветовать закурить — в час заката это особенно приятно, но средневековое состояние кинозалов, как известно, вынуждает отказаться от этой дивной привычки. В то же время не будет чиниться никаких препятствий доброму глотку из карманной фляжки, которую вы можете приобрести у прокатчика фильма в фойе».

Трудно предсказать судьбу моей ленты: люди идут в кино, чтобы забыть, а закат влечет как раз к обратному — в эту пору мы сами у себя как бы на ладони, по крайней мере так оно со мной, что приводит к полезным угрызениям совести, только не знаешь, воспользуются ли этим другие.

МАЛЕНЬКИЙ РАЙ



Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

щения граждан при достижении

И вот каждый юноша и каждая девушка страны ждут не дождутся дня, когда им будет дозволено посетить один из центров впускания, и они посещают его в обстановке семейного энтузиазма, присущего от века большим событиям. Посредством трубки одна из вен на руке сообщается с прозрачной банкой, полной водой физиологическим раствором, куда в надлежащий момент впускают двадцать золотых рыбок. Семья и виновник торжества могут неограниченно время любоваться мельтешением и маневрами золотых рыбок в стеклянной банке до тех пор, пока они, втянутые одна за другой в трубку, обмякнут и не сколько даже удивленно, не исчезнут, подобно золотым пузырькам, в вене. Полчаса спустя гражданин, обладающий полным комплектом золотых рыбок, покидает центр, чтобы дол-

РАДОСТЬ может принимать самые разные формы, и поэтому не должно удивлять, что жители страны, управляемой генералом Орангу, считают себя счастливыми с того самого дня, когда их кровь переполняется золотыми рыбками.

На самом деле рыбки не золотые, а лишь позолоченные, но стоит их увидеть, как их ослепительные трепыхания тут же вызывают желание обладать ими. Правительство знало, что делало, когда, после поимки первых экземпляров одним естествоиспытателем, сразу же стало их разводить в соответствующей отрасли. Известная под научным названием Z-8, золотая рыбка настолько мала, что если можно было бы представить курицу мушиных размеров, то рыбкин размер был бы с эту курицу. Поэтому не представляет особого труда внедрить их в систему кровообращения граждан при достижении

возраст, так и сама процедура обусловлены законом. И вот каждый юноша и каждая девушка страны ждут не дождутся дня, когда им будет дозволено посетить один из центров впускания, и они посещают его в обстановке семейного энтузиазма, присущего от века большим событиям. Посредством трубки одна из вен на руке сообщается с прозрачной банкой, полной водой физиологическим раствором, куда в надлежащий момент впускают двадцать золотых рыбок. Семья и виновник торжества могут неограниченно время любоваться мельтешением и маневрами золотых рыбок в стеклянной банке до тех пор, пока они, втянутые одна за другой в трубку, обмякнут и не сколько даже удивленно, не исчезнут, подобно золотым пузырькам, в вене. Полчаса спустя гражданин, обладающий полным комплектом золотых рыбок, покидает центр, чтобы дол-

гим празднованием отметить свое приобщение к радости.

Если приглядеться, то жители счастливы скорее мысленно, нежели от непосредственного общения с действительностью. Хотя они и не могут созерцать золотых рыбок, каждый знает, что те путешествуют по ветвистому дереву артерий и вен, и перед сном каждый словно бы видит, как под куполом вен проносятся блестящие искорки, еще более золотые на алом фоне рек и ручейков, по которым они скользят. Больше всего возбуждает предчувствие, что двадцать золотых рыбок не замедлят размножиться, и вот так наплывает видение бесчисленных сверкающих стаяк, которые снуют везде и всюду, скользят за лобной костью, добиваются до кончиков пальцев, скапливаются в больших феморальных артериях, в яремной вене или вертко проскальзывают в самых узких и деликатных местах. Периодическое прохождение через сердце порождает наиболее сладостный образ, так как там, по-видимому, золотые рыбки находят кровостоки и кровопадцы для игр и кровохранилища для сброски, и скорее всего именно в этой большой шумной завирю они знакомятся, выбирают друг дружку и спариваются. Когда парень и девушка влюбляются, они убеждены, что в их сердце золотая рыбка встретилась пару. Даже зуд или раздражение тут же относится на счет скопления золотых рыбок в соответствующем месте. Таким образом взаимосвязываются основные жизненные циклы, как внешние, так и внутренние, — трудно и представить более гармоничную радость.

Единственным диссонансом этой гармонии становится периодическая смерть одной из золотых рыбок. Хотя они и отличаются долгожительством, все же наступает день, когда каждой рыбе приходит конец, и ее тело, влеконое потоком крови, рано или поздно закупоривает какой-нибудь кровеносный сосуд. Гражданам знакомы эти симптомы, к тому же недвусмысленные: затрудненное дыхание, а порою и обмороки. В подобных случаях обычно прибегают к инъекции сыворотки, которая есть про запас у каждого. Через считанные минуты сыворотка разлагает тело умершей рыбки, и кровообращение нормализуется. Предусмотрительно правительство призывает жителей делать две или три инъекции в месяц в связи с тем, что золотые рыбки исключительно сильно размножились и индекс их смертности неуклонно увеличивается.

Правительство генерала Орангу установило цену одной дозы сыворотки — двадцать долларов, что подразумевает годовой доход в несколько миллионов. Хотя иностранным наблюдателям это может показаться тяжелым обложением, жители думают иначе, ибо каждая инъекция возвращает им радость и платит за это они считают справедливым. В случае, когда семья не имеет средств, а это случается сплошь и рядом, правительство предоставляет сыворотку в кредит, разумеется, взимая при этом половину стоимости наличными. Если и на таких условиях сыворотка кое-кому недоступна, им остается прибегнуть к существующему здесь черному рынку, которому добросердечное правительство снисходительно позволяет процветать к пущей радости народа и отдельных полковников. В конце концов — что значит нищета, когда известно, что у каждого есть свои золотые рыбки и что не за горами день, когда подрастающее поколение в свою очередь тоже ими обзаведется — и будут праздники, и будут песни, и будут танцы!

Перевел Павел ГРУШКО

«ЧТОБЫ СЛОВО УСПЕВАЛО ЗА ХОДОМ ИСТОРИИ»

шего троянского коня США. Во многих латиноамериканских странах с «твердыми» режимами угнетение отчасти базируется на умышленной идеологической путанице, эксплуатации во имя зла национальных и патриотических чувств, извращениям людских прогрессивных взглядов. Уверены ли мы в том, что интеллигентальным прокам наших внешних и внутренних

врагов, чью ловкость было бы абсурдно отрицать — она бросается в глаза, — мы всегда способны противопоставить политический и нравственный язык, содержащий свежие идеи и такой мыслительный заряд, в котором воображение, наступательность и, я бы обязательно сказал, поэзия и красота были озаряющими силами, будоражащими сознание, пригла-

шающими к размышлению, зовущими к действию? Разумеется, всем нам известны примеры статей, речей, обращений, в которых блестяще решается эта задача — нести нашим народам правду, полную жизни и надежд. Но сколько еще мы видим пустой риторики, шаблонной, монотонности, затасканных лозунгов! Сколь мало революционен бывает

еще язык революционеров! Очевидно, что выбор между избитым и обновленным словом стоит перед всеми, кто пишет воззвания, книги, стихи, выступает с трибуны и в печати. От нас зависит, чтобы широкие народные массы, в настоящее время сбившие с толку или обманутые дезинформацией со стороны США и не менее ловкой дезинформацией мест-

ных ставленников, все более отчетливо представляли реальность, в которой они существуют, могли более осознанно решить, по какому пути идти, и объяснить нерешительным и наивным, как отличить лживую пропаганду от обогащающей правдивой информации. От нас, избравших слово своим боевым оружием, зависит, чтобы оно успевало за ходом истории. Из послания участникам гавайской встречи представителей интеллигенции в защиту суверенитета Латинской Америки.